

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

*Л. Г. БЫЗОВ***Взгляд в будущее и прошлое через призму современных общественных противоречий***

Статья подготовлена на основе результатов массового опроса, проведенного Институтом социологии РАН в 2017 г. ежегодного мониторинга. Автор обращает внимание на существенный рост сторонников перемен за последний год, что формирует новый общественный запрос на перемены. Однако вектор этих перемен различные социальные группы видят по-своему. Анализируются сознание и ценности таких ключевых групп, как средний класс, молодежь, консервативное большинство, либеральное меньшинство, а внутри двух последних групп выделяются более и менее радикальные фракции. Через призму особенностей массового сознания этих групп исследуется оценка исторического прошлого. Показывается, как современные общественные противоречия способствуют формированию групповой исторической идентичности, различного отношения к важнейшим вехам исторического прошлого.

Ключевые слова: общественные противоречия, групповая идентичность, субъектность, средний класс, консервативное большинство, либеральное меньшинство, стабильность, перемены, ценности, образ будущего, революция.

DOI: 10.7868/S086904991803005X

Запрос на перемены – в какую сторону?

Предрешенность результатов президентских выборов в марте 2018 г. не отменяет того, что российское общество постепенно подходит к очередному повороту, развилке, за которой открывается новая социально-политическая перспектива. История постепенно совершает еще один виток, и контуры будущего пока просматриваются весьма неопределенно. В 2017 г. было много исторических дат, связанных с переменами в жизни страны. 30 лет назад начатая М. Горбачевым перестройка как мирное усовершенствование советского строя вступила в фазу “Иного не дано” – фазу потрясений и радикальной смены курса. Четверть века назад шли “гайдаровские реформы”, начатые

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00218-II) в Федеральном государственном бюджетном учреждении Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук.

Бызов Леонтий Георгиевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35.

E-mail: isras@isras.ru

Б. Ельциным, и обстановка в обществе быстро накалялась, вылившись в итоге в памятное противостояние октября 1993 г. Скоро минет 20 лет нынешнему политическому режиму, связанному с именем В. Путина. Этот режим, особенно последние пять лет, вызывает и многочисленные аналогии как с некоторыми периодами императорской России, так и с отдельными десятилетиями советского периода. Над ним тоже довлеет история, неуклонно раскачивая политический маятник, движение которого неостановимо. Вот только в какую сторону он качнется?

Сегодня мы видим его сильное отклонение к правоконсервативному, государственному направлению, что сформировало в обществе “консервативное большинство”. Но также чувствуется, что он дошел до какой-то невидимой глазу черты и заколебался, подавая противоречивые сигналы. А это — верный признак будущего начала движения либо в противоположную сторону, либо в какую-то иную. Готово ли нынешнее общество к этим переменам, и как оно смотрит на те изменения, которые страна претерпела в минувшее столетие? По мнению В. Иноземцева, страна неизбежно вступит в фазу очень глубоких перемен, вопрос лишь в сроках. “...Доминирующее настроение в обществе состоит сейчас в том, что мы готовы довольствоваться и тем что есть, лишь бы не было хуже... Я не вижу возможностей модернизации при сохранении режима, и впереди катастрофа. Это дело не ближайшего будущего, отнюдь, но без нее никакой модернизации не случится” (https://www.znak.com/2017-11-03/vladislav_inozemcev_vpered_i_katastrofa_bez_nee_nikakoy_modernizacii_ne_sluchitsya). Думаю, Иноземцев прав, но лишь частично. Последние исследования Института социологии (ИС) РАН и ВЦИОМ говорят о том, что все большая часть российского населения стремится к переменам. Но вот только каким? Н. Розов в этой связи говорит о неизбежности перемен как о завершении столетнего революционного цикла, который пока так и не привел к формированию механизмов модернизации общественных отношений, выявил ущербность односторонней модернизации, когда государственный успех достигается за счет подавления свободы; а в итоге даже прежние достижения обращаются вспять [Розов 2017]. Но это лишь одна из возможных точек зрения.

Сразу следует отметить, что современная Россия подошла к предстоящим переменам в состоянии раскола, который проявляется и в отношении к прошлому, и в ожиданиях от будущего. Эти расколы ведут свою историю от многих минувших десятилетий, среди самых последних — от начала 1990-х гг. Причем раскол возник вовсе не сразу, когда начались перемены и реформы, перестройка политической системы, начатая Горбачевым, сначала была принята практически общественным консенсусом. Разногласия и расколы начались значительно позже, начиная с 1988 г., и достигли своего апогея в начале 1990-х гг., когда радикальные экономические реформы вызвали массовое неприятие и на десятилетия отвратили общество от стремления к переменам. В результате приход к власти Путина был встречен практически однозначно позитивно. Постепенно сформировался тот общественный феномен, который получил название “путинского консенсуса” и который с известными оговорками продолжался до 2012–2014 гг. Но сложные и неоднозначные события последних лет этот консенсус разрушили. События на Украине и в Крыму, встреченные с восторгом большей частью общества, одновременно вызвали решительное неприятие ориентированного на Европу и совокупный Запад общественного меньшинства, при всем своем небольшом численном масштабе достаточно влиятельного и наделенного существенными информационными ресурсами.

Раскол общества усугубился жестким экономическим кризисом, который по-разному оценивается различными его группами. Здесь важно отметить, что этот кризис не переходит в коллапс, население страны беднеет, происходит ожесточенная, хотя и подковерная борьба внутри властных группировок. В такой ситуации все больше людей, в том числе и молодежи, выходят на протестные акции, власть же их нещадно “прессует”, но социального взрыва не предвидится, хотя и благодного спокойствия тоже уже нет.

Согласно данным опроса мониторинга ИС РАН (шестая волна мая 2017 г.), социальные и политические противоречия в обществе продолжают уверенно доминировать над идейными, религиозными и национальными. Это противоречия между властью

и народом (36,2%), впервые вышедшие на первое место по своей остроте и касающиеся всех ветвей и этажей власти, кроме Президента РФ, между богатыми и бедными (31,4%), между чиновниками и гражданами (24,3%), между олигархами и остальными гражданами (15,6%), между собственниками предприятий и наемными работниками (14,0%). Очередное исследование, проведенное ИС РАН в октябре 2017 г., позволяет взглянуть на складывающуюся ситуацию именно через призму нарастающих противоречий в отношении населения к давней и недавней отечественной истории.

Сделаем несколько предварительных выводов, напрашивающихся в сравнении с аналогичными опросами последних трех лет. Политические процессы, начавшиеся еще в 2011 г. и достигшие апогея в 2014 г., раскололи общество по фундаментальным ценностным параметрам, и сегодня это расколотое общество предъявляет разные, иногда прямо противоположные требования к политическим элитам. “Консервативное большинство”, на которое пытается опираться власть, само неоднородно. Политически активная и идеологизированная его часть составляет в нем меньшинство, своего рода “меньшинство в большинстве”, а большинство состоит из конформистов, готовых плыть по фарватеру, прокладываемому властями, вне зависимости от его направления. В обществе снова растет то явление, которое на языке улицы правильнее всего было бы называть “политическим пофигизмом”. Но фоном его является радикализация и политизация разного рода идейных меньшинств. Исследование ясно показывает, что повышенная экзальтация, связанная с присоединением Крыма, идеями “русского мира”, постепенно спадает, хотя мнение людей и не меняется на противоположное. Очень часто опрошенные просто отказываются думать и оценивать многие явления и события. Об этом ярче всего говорит то, что более 75% опрошенных россиян не смогли или не захотели отнести себя к числу приверженцев какого-либо определенного идейно-политического течения. Эта картина напоминает наблюдавшуюся еще в конце “нулевых”. Даже те, кто по совокупности своих взглядов и ценностей скорее примыкают к либералам, не хотят отождествлять себя с ними. Так, по своим ценностям в той или иной форме к либералам можно отнести 20–25% населения страны, а идентифицируют себя как либералов меньше 5%. Еще меньше готовы голосовать за политические партии либеральной направленности. То же самое касается и других общественных течений. А ответивших, что они не сторонники любых идейных течений, насчитывается более 40%. Можно предположить, что видимый общественный раскол больше касается радикальных меньшинств на всех политических флангах, а это означает, что восстановление консолидированного политического центра в стране все еще возможно, хотя и представляется очень сложной задачей. (Разумеется, если таковая цель будет поставлена в качестве приоритетной.)

При этом численность тех, кто относят себя к либералам, снижается от 7% у молодежи до 2% в самой старшей возрастной группе (больше 60 лет). Доля же сторонников коммунистов, напротив, возрастает от 3% до 11%. И это не случайно. Как считает политический аналитик и социолог А. Игнатьев, “время идеократии, т.е. политических матриц, опирающихся на рациональную и эксплицитно сформулированную идеологию, а вместе с ними и исключившего политического статуса интеллектуалов, позади, настает время аудиторной политики, когда принципиальное значение приобретают не убеждения той или иной конкретной персоны или, тем более, всякого рода программы и концепции, который с ней ассоциированы, а ее личная аттрактивность как зрелища” (<http://www.facebook.com/res/result/>). Это точно характеризует большинство общественного мнения, а политические матрицы остаются уделом политизированных флангов общества. Но ведь, как известно из нашей истории, ее делает именно активное меньшинство, а не конформистская середина.

Что же касается будущего страны, то оно “в тумане” даже в глазах неполитизированного большинства, четко не просматривается дальше нескольких лет. Россияне чаще всего полагают, что “сегодня еще жить можно, а завтра — будь что будет”, а их наиболее образованная и квалифицированная часть все охотнее покидает пределы страны. Период длительной стабильности, переходящий в застой, как это обычно и происходит в России по “закону маятника”, грозит смениться периодом нестабильности, смуты, роста центробежных сил. А запаса прочности уже практически нет, историческое время для

завершения процесса модернизации, о которой столько говорили, исчерпано, и политической воли для решения этой задачи пока не видно. Раскол же общества делает актуальными ряд часто во многом противоречащих друг другу альтернатив, готовых разорвать его при любом неосторожном движении.

Понятно, что новой революции в обозримой перспективе никто не предвидит. Так, по данным Левада-Центра¹, лишь 5% опрошенных хотели бы новой революции, а 92% считают ее недопустимой. Но революции случаются не просто по желанию. Они могут быть спровоцированы цепью непредвиденных обстоятельств. Так, уже не 5%, а 30% опрошенных считают революцию в той или иной форме вероятной, причем, с точки зрения своих социальных характеристик, значительная часть этих 30% сосредоточена как раз в среднем классе “новой России”, который наиболее остро ощущает симптомы политической дестабилизации.

Минувшие полтора десятилетия стабильности (от дефолта 1998 г. и до присоединения Крыма в марте 2014 г.), казалось бы, свидетельствовали о том, что страна наконец-то преодолела вековую политическую смуту и вступила в период медленного, но неуклонного развития, движения вперед. Однако последние три года во многом опровергли эти утверждения, с каким бы знаком к ним ни относиться. Резко осложнилось международное положение страны, вокруг нее возникла изоляция, которой не было даже во времена “холодной войны”, начал снижаться уровень жизни и во внутривнутриполитической жизни наблюдается постепенный “разогрев”, повышение социально-политической турбулентности, рост протестных настроений. Не случайно большинство опросов в этот период демонстрировали приоритет ценности стабильности над ценностью развития и связанным с ним риском (от 65% против 35% в 2014 г. до 54% против 46% в октябре 2017 г.).

Согласно данным ИС РАН, сейчас доли сторонников стабильности и перемен не только практически сравнялись, но вторые вышли даже немного вперед. За последние полтора года их доля выросла на 13% (с 39 до 52%). А в наиболее “продвинутых” группах общества, в том числе и среди молодежи, эта цифра превысила 60%. И по данным ВЦИОМ доля сторонников перемен превысила 50%. Такой стремительный рост численности сторонников перемен заставляет задуматься о его причинах и последствиях.

Казалось бы, стремление к переменам должно способствовать более критическому настрою к власти. Однако оно почти не отражается на отношении к президенту Путину. Его безусловно поддерживают 47% опрошенных и считают настоящим национальным лидером; 39% — скорее поддерживают, несмотря на отдельные ошибки и промахи. Доверие к Путину падает последний год, но за счет того, что часть полностью ему доверявших переходят в стан “колеблющихся”. Поэтому подобное снижение никак не отражается на высоком электоральном рейтинге Путина в условиях отсутствия сколько-нибудь серьезной альтернативы. Только среди либерально ориентированного меньшинства число оппонентов действующему президенту превышает 18%. Самой высокой поддержкой Путин продолжает пользоваться среди среднего класса (55% — полной, 35% — частичной; среди молодежи эти цифры, соответственно, 47 и 36%), российских горожан, которые в меньшей степени, чем другие слои общества, переживают экономические тяготы.

Численность тех, кто полагают, что нынешний кризис и экономические трудности вызваны угрозой извне, снизилась за последний год с 67 до 53%. До 34%росло число полагающих, что Россия должна двигаться вперед, к такому образу жизни, как в Европе; до 45,7% снизилась численность сторонников “твердой руки”. И, наконец, видно, что все большее общественное отторжение вызывает внецерковная активность РПЦ, ее стремление влиять на политические и социальные процессы. Это, пожалуй, стало одним из главных и неожиданных процессов, ярко проявившихся в завершающемся году.

Наше исследование не первое, зафиксировавшее перемены в настроении большей части россиян. Еще в начале лета 2017 г. данная тенденция была отмечена ВЦИОМом. Запрос общества на стабильность в России ушел на периферию и сменился запросом на перемены, — такое мнение высказал его генеральный директор В. Федоров на

¹ Сайт Левада-Центра. Октябрь 2017 г.

всероссийском молодежном форуме “Территория смыслов на Клязьме”. По его мнению, экономический кризис в стране закончился, но не наступил широкомасштабный экономический подъем; наблюдается новая фаза — “неуверенность в завтрашнем дне”, которая является “опасной”, ибо “революционные настроения появляются не в ситуации кризиса, а когда кризис закончился и становится лучше”. “Люди перестают терпеть и начинают требовать, появляется запрос на перемены”, сегодня политическая борьба в России “идет за то, чей образ перемен возобладает” (tass.ru <Общество>4469064).

Пока, как это следует из данных всех опросов, побеждает скорее левый вектор. Как показали результаты исследования ИС РАН, запрос на перемены в основном связан с массовыми общественными настроениями в отношении базовых принципов социальной справедливости, и его ни в коем случае нельзя трактовать как желание вернуться в эпоху 1990-х гг., к продолжению либеральных экономических и политических реформ. Общество стремится к социальной справедливости, к борьбе с коррупцией, к преодолению нефтегазовой зависимости (51% и 41%), к усилению обороноспособности страны (28%) и в гораздо меньшей степени — к усилению экономических и политических свобод и сближению со странами Запада (по 10%), к смене власти (12%). И хотя в разных возрастных группах цифры несколько различны, общая тенденция налицо (см. табл. 1).

Таблица 1

Направления желаемых перемен в обществе (в %)

<i>Возраст респондента</i>	До 30 лет	31—40 лет	41—50 лет	Более 50 лет
Экономические реформы, нацеленные на преодоление нефтегазовой зависимости экономики России	40	39	46	39
Усиление социальной справедливости, жесткая борьба с коррупцией в верхних эшелонах власти	45	43	36	47
Укрепление обороноспособности страны, превращение России в державу, которую боятся и уважают	24	23	25	27
Усиление политических и экономических свобод, развитие демократии	17	12	14	11
Сближение со странами Запада, выход из внешнеполитической изоляции	15	15	11	11
Защита русских, “русского мира” на постсоветском пространстве	10	14	12	14
Возрождение традиционных нравственных и религиозных ценностей	10	8	13	17
Развитие науки, образования, здравоохранения, культуры	43	46	33	41
Сменяемость власти, приход к управлению политикой и экономикой нового поколения россиян	13	17	11	10
Ничего не следует менять, пусть все идет как идет	13	12	13	11

Одновременно можно видеть, что левый запрос, связанный с идеями социальной справедливости, стал заметно преобладать над правонационалистическим, резко активизировавшимся после 2014 г. У россиян постепенно падает интерес к событиям на Украине, в Сирии, к собиранию “русского мира” (это в качестве приоритета перемен выбрали менее 14% опрошенных, а возрождение традиционных ценностей — 13%).

Согласно исследованиям Левада-Центра, россияне за последний год стали несколько лучше относиться к Украине и украинцам, до 41% упала численность сторонников поддержки со стороны России ДНР и ЛНР (см. “Ведомости”, 29 октября 2017 г.). Еще 37% высказали мнение, что Россия не должна поддерживать никого. Скажем сразу: этот процесс идет медленно и пока ничего не свидетельствует о каком-то радикальном развороте общественного мнения.

В чем же первопричины левой направленности “образа будущего”? Несмотря на годы стабильности и относительного достатка, российское общество так и не смирилось с ситуацией глубокого общественного неравенства, вызванного не до конца продуманными реформами начала 1990-х гг. и так и не преодоленного до дня сегодняшнего. Опросы рисуют картину классового, глубоко стратифицированного общества, пропитанного агрессией и, пожалуй, более разобщенного, чем когда-либо в новейшей истории. Налицо ситуация тотального недоверия граждан и друг к другу, и к власти в целом. В условиях значительного ухудшения социально-экономического фона в последние три года такие настроения не могут не нарастать. Причем следует отметить и то очень важное обстоятельство, что при огромных социальных разрывах общность граждан на социальной основе в России не складывается. Она складывается, скорее, на почве разногласий идейных и на почве общности отдельных, ситуативных интересов. В России, несмотря на все ожидания, так и не сложились ни “партия среднего класса”, ни “партия миллиардеров”, ни “партия нищих”.

Тем не менее гипотеза о политической субъектности российского **среднего класса** имеет право на существование. В дальнейшем я буду условно считать таковым те группы общества, которые по 10-балльной шкале оценили свое современное место в обществе в диапазоне от 6 до 10 баллов и считают свое материальное положение хорошим. В эту группу набирается около 36%. Его структура только-только стала формироваться в 2000-е гг. В относительно спокойные “нулевые” в России в него начали входить представители бизнеса и квалифицированных служащих и, как казалось в то время, именно они должны были сказать свое веское слово в политике, стать выразителем интересов новых групп общества. В результате появляются политические партии и движения, за которыми стоит этот средний класс, а политики и партии маргинальной части спектра постепенно сойдут с политической арены. Даже возник феномен “метаидеологии”, представлявшей собой сплав либеральных, лево-государственнических и патриотических идеологем, который носил более или менее органический характер. Различия внутри системной части спектра были значительно ниже, чем между радикалами и умеренными, номинально придерживавшимися той же ориентации.

Согласно результатам пятой волны исследования ИС РАН (октябрь 2016 г.), в обществе в то время наблюдалось большинство, представляющее “леводержавнический” блок, в котором 27% были сторонниками сильного и социально ориентированного государства, а 39% ратовали за возрождение страны как великой державы (всего искомые две трети — 66%). И обе части данного большинства во многом пересекаются по своим содержательным характеристикам. За демократической частью спектра остаются 10% россиян (6% выступают за современную западную демократию и развитие рыночной экономики, 4% за ценности самоуправления и социал-демократии); и 18% за сочетание сильного государства и рыночной экономики. Еще 6% составляют радикальные националисты, выступающие за ограничение миграции.

События в 2011–2017 гг. изменили сложившийся в “нулевые” баланс сил, привели к поляризации общества, глубокому ценностному расколу, который прошел и внутри “среднего класса” и, как следствие, послужили началом новой переструктуризации общества уже на основе не столько социальных характеристик, сколько ситуативных интересов, материальных (объединение вокруг протестов “дальнобойщиков”), профессиональных (протестная активность ученых из РАН, защитники природных объектов) или ценностных (объединения внутри социальных сетей по политическим симпатиям и ориентациям). Сам институт политических партий при этом стремительно деградировал и становился все более архаичным.

Экономический кризис в значительной мере начал разрушать сложившийся средний класс, усилил политизацию и протестную активность общества, в том числе и в социальных сетях. Общаясь в социальных сетях, пользователи не спрашивают про имущественные характеристики “френдов”, гораздо важнее тут общность взглядов. Тем более что события 2014 г. раскололи и рассорили и старых друзей, и коллег, и даже семьи.

На эти процессы наложился и выход на общественную арену молодежи, “непоротого” поколения, уже не помнящего потрясений конца XX в. и выросшего в спокойные “нулевые”.

Сложно говорить о российской **молодежи** как о единой группе, но акции марта 2017 г. показали, что имеются некоторые признаки растущего объединения молодежи, провоцируемые односторонней ориентацией власти на архаичные формы общественного управления, клерикализацией, ограничением в Интернете и т.д. Поэтому молодежь может начать постепенно склоняться к либеральному меньшинству, если опора власти на архаичные и отсталые общественные слои продолжится. Однако говорить о молодежи как о политическом субъекте пока явно преждевременно. Во многом потому, что активность молодежи на протестных акциях первой половины 2017 г. в значительной мере носила характер возрастного самоутверждения, а не каких-то убеждений и политических взглядов. Следует также подчеркнуть, что если по всей выборке доля тех, кто предпочитает перемены стабильности, составляет 51%, то среди молодежи — 61%, и это накладывается на социальное напряжение в стране конфликт поколений. Если среди всех россиян в поисках новостей Интернету и социальным сетям отдают предпочтение 27% опрошенных, то среди молодежи — 59%. Молодежь (те, кому исполнилось менее 30 лет) составляют около 25% от всей совокупности опрошенных.

Протопартии и их потенциал

На сегодняшний день в качестве самостоятельных социально-политических субъектов, вокруг которых складываются своего рода “протопартии”, могут выступать следующие силы. Прежде всего это так называемое “консервативное большинство”, состоящее как из убежденных консерваторов-державников, так и из конформистской части общества, примерно в пропорции 30% против 70% [Бызов 2015]. Сегодня она за действующую власть (в целом, при наличии многих претензий по частностям). Можно утверждать, что вместе со “своими” СМИ (в особенности основными каналами ТВ) консервативное большинство обладает чертами “протопартии”. Но эта протопартия рыхлая, и при усилении политической турбулентности она начнет быстро распадаться. Вспомним последние годы СССР, когда “агрессивно-послушное большинство”, преобладавшее на всех съездах народных депутатов, быстро проиграло политически оппозиционному меньшинству во главе с Б. Ельциным и А. Сахаровым. Например, сегодня активно заявляет о себе радикальная группировка общественных деятелей, которая значительно радикальнее консервативного центра (Н. Поклонская, В. Милонов, отдельные священнослужители типа В. Чаплина и Дм. Смирнова). Власти все чаще приходится дистанцироваться от них. Налицо расслоение консервативного большинства на радикальную фракцию и более нейтральную “середину”. Что же касается идейных расколов, то современное российское общество — несмотря на наблюдаемый с 2012 г. всплеск консерватизма и даже архаики — достаточно молодое. Опыт предшествующих поколений над ним мало довлеет. Все попытки разогреть интерес к пресловутым “скрепам” долгосрочного результата не приносят, причем это касается не только событий дореволюционного прошлого, но и 25–30-летней давности, почти забытых нашими современниками.

Сложно отыскать зародыш протопартии в современном **оппозиционном меньшинстве**, которое также можно охарактеризовать как “либеральную интеллигенцию” или “креативный класс”. Численность этой группы составляет по самой максимальной оценке не более 15–17%, и она на протяжении долгих десятилетий не может сформировать собственного представительства в партийном спектре, рассыпаясь на несколько маргинальных групп. Однако ее вес в общественно-политической жизни страны остается весьма

значительным благодаря высокому уровню образования, владению информационными коммуникациями и наличию “своих” СМИ. Признаки протопартии эта группа проявляет и в том, что в ней существуют негласные лидеры, своего рода законодатели моды, и “ослушникам” иной раз грозят санкции, вплоть до исключения из круга “своих”, “не-рукопожатность” и пр. Радикалы, выступающие за полную смену режима в стране, и тут составляют меньшинство, но их голос слышен громче, так как власть, опершись на консервативные круги общества, сама способствовала тому, что “системные либералы”, составлявшие ее опору в “нулевые”, стали практически не востребованы. Седьмая волна исследований ИС РАН в октябре 2017 г. зафиксировала примерно 10,5% последовательных либералов (всего, включая непоследовательных и колеблющихся, — 24,5%), 32% последовательных консерваторов (всего, включая непоследовательных, — около 65%).

Остальные группы общества в качестве субъектов общественно-политической жизни сегодня практически не просматриваются за исключением отдельных групп, сформированных вокруг конкретных интересов. Таким образом, современное российское общество — и расколотое, и монолитное одновременно. Причем имеющиеся расколы в последнее время скорее углубляются. Впрочем, нельзя не отметить, что данные исследований в этом отношении носят противоречивый характер. Например, российская молодежь, как уже отмечалось, больше ориентирована на поддержку перемен, но, скажем, ее отношение к Путину практически такое же, как и у более старших поколений (47% полностью поддерживают, 36% — поддерживают частично, 8% — не поддерживают). Не выделяются в качестве самостоятельных групп ни рабочие, ни инженеры, ни предприниматели: внутри этих групп проходят точно такие же ценностные расколы, как и во всем обществе. Массовые слои интеллигенции (врачи, учителя, библиотекари) мало чем отличаются от иных массовых слоев общества, лишь не слишком значительная группа статусной интеллигенции во многом выглядит консолидированной вокруг либеральных ценностей.

Следующий набор проанализированных суждений достаточно ясно отображает расхождение общества по наиболее важным идеологиям. В то же время наблюдается “подтачивание” монолитного общественного большинства, возвращение интереса к ценностям демократии, пусть это пока скорее низовой нарастающий протест против вмешательства церкви в дела государства и общества. Если три года назад численность сторонников “твердой руки” превышала 60%, то сегодня она упала до 46%. Именно столько опрошенных полагают, что “в России демократия не приживается. Страна нуждается в твердой власти, способной обеспечить порядок, единство страны и ее суверенитет”. Причем среди молодого поколения (до 30 лет) эта цифра составляет только 35%. В то же время старшее, консервативно настроенное поколение выбирает “сильную руку” (65%). Это и есть то самое “консервативное большинство”, которое по ряду показателей перестает быть большинством.

Ярким показателем расколотости может служить серия ответов, связанная с согласием респондентов с, по сути, альтернативными суждениями. Например, для 54,3% “Россия должна стать демократическим государством, в котором обеспечиваются права человека, свобода самовыражения личности”, а 45,7% уверены, что “в России демократия не приживается и страна нуждается в твердой власти, способной обеспечить порядок, единство страны и ее суверенитет”. 66,1% убеждены, что “Россия нуждается в возрождении русских национальных традиций, моральных и религиозных ценностей”. Им оппонируют 33,9%, для которых важно, чтобы “Россия двигалась вперед, к современному образу жизни, такому как в Европе”. Представления о России как великой державе, с мощными вооруженными силами, влияющей на политические процессы в мире, близко 53,2%, а для 46,8% приоритет — забота о благосостоянии собственных граждан, а не стремление к укреплению державной мощи. При этом об опоре на православие говорят 30,9%, а для 69,1% важно, чтобы РПЦ занималась внутрицерковными делами и не вмешивалась в политику и дела государства. Также важный маркер раскола общества — отношение к цензуре. 62,2% полагают необходимым “введение моральной цензуры над средствами массовой информации и произведениями искусства с целью борьбы с пропагандой

безнравственности”. В то же время для 37,8% “СМИ и произведения искусства должны быть полностью свободны от цензуры”.

Наконец, важным аспектом, разделяющим людей, является место государства в жизни общества. 71,1% полагают, что роль и влияние государства в экономике, политике, социальных процессах должна быть усилена, а 28,9%, напротив, выступают против чрезмерной государственной опеки. В сознании консервативной части россиян плюсы централизованного государства с сильной и единоличной властью превышают минусы такой формы правления. Общество продолжает выступать за централизованную сильную президентскую власть. Реальная многопартийность, способная стать основой парламентаризма, так и не сформировалась (за парламентскую республику во главе с правительством, которое формируется парламентом, высказываются лишь 12,4%). Такова общая картина дня сегодняшнего, через призму которого попытаемся разобраться в нашей ранней истории, как менялись ее оценки и почему.

Общественное сознание и юбилей Октября 1917 года

Отмеченная противоречивость суждений россиян, идейный раскол общества нашли свое отражение и в противоречивом отношении к Октябрьской революции. Согласно данным опроса ИС РАН, общество расколото в этом отношении. 21% опрошенных считают, что революция принесла больше пользы; 19% — больше вреда; 29% — что вреда и пользы принесено примерно одинаково.

Казалось бы, те, кто остаются приверженцами ценностей революции, — люди старшего поколения, выросшие в советские времена и воспитанные советскими учебниками. Это действительно так, но лишь отчасти. Соотношение тех, кто видит в революции плюсы и минусы, составляет для молодежи в возрасте до 30 лет — 13% против 17%, а среди старшего поколения — 35% против 15%. Но значительно сильнее просматривается корреляция отношения к Октябрю с расколом общества на консерваторов и либералов. Среди первых данное соотношение составляет 23% против 16%, а вот среди вторых — 7% против 35%.

Это означает, что идейные расколы столетней давности продолжают жить и в наши времена. Раны Гражданской зарубцевались не до конца. Как отмечает историк В. Романовский, «в прошедшем столетии нашей истории много противоречивого, трагичного и печального. Российская революция 1917 года расколола страну на два противоборствующих лагеря. Каждая из сторон по-своему понимала благо и счастье для своего Отечества, “красные” и “белые” стремились добиться процветания Родины в соответствии с собственными представлениями о добре и зле... Строительство нового общества сопровождалось насилием, разжигаемой ненавистью к классовым врагам, безжалостными и бессудными расстрелами классово чуждых и “подозрительных”, отказом от прошлой истории, неприятием национальных традиций и духовных ценностей» [Романовский 2017].

Впрочем, в данном случае речь может идти не только собственно о революционных событиях, но и обо всем нашем советском периоде. И если в целом советский период оценивается все-таки позитивно, то отношение к его “революционным” точкам гораздо более негативно. Никто в современной России не хочет революций, и не хотел бы жить в такое время. Во многом потому, что у нынешних поколений на памяти революционные события начала 1990-х гг., которые и сегодня воспринимаются как эпоха разрухи и бедствий. Причем, если к самим событиям Октября отношение “фифти-фифти”, то к свержению монархии в феврале 1917 г. носит скорее негативный характер (28% сторонников и 37% противников), то есть россияне совсем не в восторге от свержения монархии в феврале 1917 г., а захват власти большевиками в октябре воспринимается двояко — и как виток очередной разрушительной смуты, и как заложение фундамента новой государственности. Конечно, более чем семидесятилетняя история советской власти в нашей стране не может быть исчерпана только революциями в ее начале и конце. Эта история “полосата”: и эпоха 1920-х или 1930-х гг. ничуть не похожа на 1970-е гг. Поэтому

не увенчались успехом все попытки окрасить историю советского периода одним цветом — белым или черным.

Но если взглянуть на нее через призму современного общественного мнения, сформировавшегося в эпоху “путинской стабильности”, как реакции на потрясения предшествующего ей десятилетия, то отчетливо видно, что россияне более позитивно относятся к периодам стабильности, укрепления государства и явно негативно ко всем периодам революционных встрясок и гражданской войны. Противоречиво отношение к исторической фигуре В. Ленина — и как к “зачинщику” революционной смуты, и как к основателю Советского государства. При этом достаточно большим остается число почитателей И. Сталина, и это несмотря на активную “десталинизацию”, идущую в стране вот уже более 60 лет, начиная с XX съезда КПСС и опубликованных в начале 1960-х гг. произведений А. Солженицына. Причем, как показывают данные опросов ведущих социологических центров, в последние годы отношение к Сталину становится лучше, чем раньше. По данным Левада-Центра 2008 г., соотношение оценок Сталина начало меняться: если до этого количество тех, кто негативно его оценивали, было достаточно высоким (2001 г. — 48%, 2006 г. — 38%), то начиная с 2008 г. эта цифра уменьшилась и продолжает снижаться, достигнув в 2017 г. 17%. Подавляющее большинство опрошенных хотя и знают о сталинских репрессиях, считают их жестокими и несправедливыми, но образ Сталина как создателя великой советской державы, победителя в войне все-таки перевешивает в его сознании связанный с ним негатив. Важно и то, что корни нынешней российской нации (или протонации, по мнению ряда специалистов) — в советской нации, “отцом” которой во многом и был Сталин.

Смешение народов, социальных слоев, классов, произошедшее в 20–30-х гг. XX в., уничтожило значительную часть “живой памяти” о досоветской эпохе. Наиболее массовым социальным слоем стали горожане — в первом (а позднее — втором) поколении дети и внуки крестьян, память о которых утонула в водовороте социальных процессов первых десятилетий советской власти. Но у нынешних поколений, выросших уже в постсоветские времена, постепенно стирается память и об этих временах. Как показали данные опроса, большая часть нынешних россиян ничего не знает о том, что делали и какую позицию занимали их предки в период Гражданской войны (56%–60%), в постреволюционных событиях (около 50%). 25% ведут свою родословную от предков, поддержавших “красных”, 6% — “белых”. У 24% предки пострадали в период сталинских репрессий, а 21,5% получили выгоду от революционных и последующих событий. 31% опрошенных полагают, что в их семье предки выиграли или скорее выиграли от прихода к власти большевиков; 29% — что скорее проиграли; 40% ничего об этом неизвестно. Это то, что донесла до нынешних времен историческая память.

По данным того же Левада-Центра (июнь 2017 г.), к лидеру позднесоветской эпохи — Л. Брежневу — с уважением и симпатией относятся 23% россиян. К деятельности таких политиков, как Н. Хрущев и Ю. Андропов, безразличны 45% и 42%, соответственно. Личности М. Горбачева и Б. Ельцина вызывают неприязнь и раздражение у 30% опрошенных. Если к этой социологической картинке добавить беспрецедентно позитивное отношение к нынешнему лидеру страны “стабилизатору” В. Путину, то налицо явная тенденция: критичное отношение ко всем реформаторам (Хрущеву, Горбачеву, Ельцину, частично — к Ленину), и более позитивное к “государственникам” (Сталину, Брежневу, Путину). И здесь стоит снова перекинуть мостик в эпоху нынешнюю; данные того же опроса показывают, что эпоха стабильности в нашей стране продолжается (55% за сохранение стабильности; 45% — за перемены даже ценой утраты стабильности), но уже на излете; постепенно складывается критическая масса сторонников перемен, особенно среди молодежи (56%). Это видно, что называется, невооруженным глазом (как часто пишут блогеры, “начинается движуха”). Такое состояние совершенно естественно при выходе на общественную арену новых поколений россиян.

Возвращаясь к теме Октябрьской революции, отмечу, что в ее трактовке налицо две основные концепции: 1) она произошла в силу объективных причин, обусловленных российской историей предшествующих десятилетий; 2) она стала результатом заговора

со стороны неких сил (тут и “пломбированный вагон с Лениным”, “масоны”, и пр.). Опрос показал, что, несмотря на популярность второй версии среди определенного круга публицистов и в некоторых СМИ, она не пользуется большой поддержкой в обществе (9,0%). 14% опрошенных полагают, что Октябрьскую революцию совершил весь народ, 18,8% — рабочие и крестьяне, 37% — партия большевиков. В общем, пока побеждает та официальная трактовка Октября, которая известна старшему поколению.

Впрочем, есть и иные концепции и трактовки. Они восходят к таким классикам, как И. Бунин и А. Блок, которые, пусть с диаметрально противоположных ценностных позиций в “Окаянных днях” и в “Двенадцати”, описали по сути одну и ту же картину: разгул люмпенов, которым “ничего не надо и ничего не жаль”, люмпенов, во многом созданных в России и не слишком успешной крестьянской реформой, и Первой мировой войной. Именно с этих позиций, например, анализирует события столетней давности историк и публицист Л. Млечин, отмечавший, что в 1917 г. “политики, не отдавая отчета и не сознавая своей ответственности, идут на поводу таких настроений, их раскручивают и разжигают, в результате жизнь в стране разваливается полностью. Это тоже ведь очень любопытное зрелище... люди хотят воли и полной воли, а когда она реализуется, они ее пугаются, потому что реализуется в полном развале, в хулиганстве, в бандитизме, в преступности — жизнь становится невозможной для всех, и люди требуют жесткой руки” (<http://echo.msk.ru/programs/Diletanti/1978496-echo/>).

Близкую позицию занимал и выдающийся философ и культуролог А. Ахиезер, по мнению которого “Октябрьский переворот следует рассматривать прежде всего как массовую архаическо-традиционалистскую реакцию на предшествующую попытку власти насильственно сдвинуть схематизм нравственности к полюсу либерализма и развитого утилитаризма... В итоге российское общество вернулось к крепостничеству в форме сталинского тоталитаризма... Тут налицо и историческая слабость городской культуры, городского образа жизни, городских ценностей, очагов интеллектуализации, то есть именно того, что могло бы в перспективе стать соразмерной силой, противостоящей архаизации” [Ахиезер 2001, с. 92]. Это заставляет вспомнить широко имеющие хождение в России сегодняшней рассуждения о природе “самодержавной матрицы”, которая столь зримо проявляется в нынешние времена, равно как и в царской России, и при советской власти. Начиная с попытки демократических реформ, что в 1917 г., что в 1991 г., общество в итоге приходило к режиму самовластья, который только и мог преодолеть очередную смуту, порожденную неподготовленной демократией. Однако по законам маятника, на очередном витке истории уступает дорогу новой русской смуте.

Впрочем, и в этом отношении есть некоторая двойственность. Большевики, сами будучи в 1917 г. маргиналами и опирающиеся на маргиналов, очень вскоре превращаются в государственников, охранителей. В военные и послевоенные годы консервативная составляющая их идеологии начинает намного превышать реформаторскую, и из космополитического проекта “мировой революции” большевистский проект превращается в сугубо русский, национальный, “особый российский путь”.

Сегодня мы, очевидно, находимся в исторической противофазе 1917 г. Тогда были революционные настроения, охватившие все общество. Сегодня революции жаждут единицы. Тогда — проект обновления мира, сегодня — скорее изоляция от большей части мира, свой особый путь. Тогда — слом традиций, сегодня консерватизм и архаика. Не случайно фигура государственника и консерватора Сталина намного более политически актуальна, чем фигура пламенного революционера Ленина. Но, по тому же закону маятника, период стабильности исторически должен уступить место периоду очередной смены парадигм. И все-таки, возможна ли новая русская революция?

“Не исключена революция, которая может иметь несколько форм, — считает историк и общественный деятель левого толка А. Шубин. — С одной стороны, может быть псевдореволюция либералов, но от этого Болотная оказалась хорошей прививкой. С другой — революция националистов, которая крайне разрушительна для России и опасна для всего человечества. С третьей — социальная революция, которая тоже может стать формой социального разворота, но весьма разрушительного. Очень важно при любой

форме социального и модернизационного разворота отстаивать его ненасильственные, гуманистичные, демократичные формы”. А независимый политик Г. Гудков полагает: “Я не думаю, что революция возможна уже в 2017 году: запаса прочности на этот год у власти точно хватает. Но к его концу могут закончиться деньги, и страна двинется в направлении социальных потрясений...” (см.: <http://gefter.ru/archive/21178>).

Этой же позиции придерживается академик А. Чубарьян: “... главный урок 1917 года для нас — прост. Это не должно повторяться. Это не лучший способ разрешения социальных противоречий. Потому что революция связана с насилием и жертвами... я уверен, что у молодежи должна быть прививка против революции: в 1917 году это событие раскололо нацию... Основная моя точка зрения в том, что разные идеи, что конфронтации между разными общественными силами не должны сопровождаться физическим уничтожением другой стороны. Мы привыкли методологически противопоставлять реформы и революции. Путь реформ более конструктивен, более удобен для нации, для населения, нежели насильственная конфронтация” (<http://profi-news.ru/society/20170124/406171/>). Хотя с приходом Путина резко антисталинские взгляды эпохи Ельцина уступили место более позитивному восприятию советского вождя, оба этих периода объединяет одно: категорическое неприятие революционных потрясений.

Сегодня в России настроения, как и в 1917 г., также скорее левые, но эта левизна иная. Не случайно россияне не настроены ни на какие революции, даже под левыми знаменами. Сегодня — это “левые государственники”, сторонники сильного государства, которое должно установить в стране социальную справедливость. Большевики в начале 1917 г. были вооружены революционной теорией К. Маркса, которая при всем ее историческом значении сегодня перестала быть актуальной, так как не смогла предсказать ни живучесть капиталистической системы, ни формирования общества массового потребления, ни других реалий, проявившихся в XX в. В то же время в первой четверти того века именно благодаря 1917 г. произошел поворот влево во всех развитых странах.

Семь с лишним десятилетий советской власти не были и не воспринимаются современными поколениями россиян как что-то единое, целостное. “Советский проект” пережил сложнейшую эволюцию от “экспорта мировой революции”, ради которого можно было пожертвовать национальными интересами (вспомним пресловутый Брестский мир), до государства — мировой державы, осажденной крепости в период “холодной войны”. То же касается и внутренней политики: от военного коммунизма через НЭП, индустриализацию и коллективизацию к “брежневским” годам относительной сытости и покоя (основанного, правда, на резком скачке цен на нефть), своего рода общества массового потребления советского образца.

И лишь к концу 1970-х и в 1980-е гг. как массовый феномен возникло “западничество”, идеология, предполагавшая преимущество “цивилизованного западного мира” перед советским как осуществившего идеал всеобщего благоденствия на фоне возрасставшего в позднем СССР товарного дефицита. По данным первых опросов общественного мнения конца 1980-х гг., доля “западников” подошла к отметке в 38–40%, а среди образованных сословий крупных городов — превысила 50% [Бызов, Львов 1989]. Это во многом облегчило приход к власти в годы реформ “западнического” крыла КПСС во главе с тогдашним главным идеологом А. Яковлевым.

Но историческое поражение “западников”, когда под флагом которых во времена Ельцина и Гайдара страна вверглась в пучину нищеты и деградации, снова восстановило позиции сторонников “советского государства”, а последовавшая массовая поддержка Путина во многом была связана с тем, что в его политике видели и продолжают видеть наследника “советского проекта” в новых исторических условиях. Все большую актуальность приобретает личность Сталина, в 2017 г., согласно исследованию Левада-Центра, возглавившего список самых выдающихся деятелей России всех времен. К Сталину как “советскому царю” тянутся ментальные нити от эпохи российской империи, минувя годы революции и гражданской войны. А вот интерес к личности Ленина начал неуклонно снижаться, как к революционеру, разрушителю, равно как и ко всему историческому периоду, с ним связанному.

Революция начала восприниматься как безусловное зло (11% оценили слово “революция” со скорее позитивными эмоциями; 47% — со скорее отрицательными и 41% — нейтрально). При этом общество в гораздо большей степени ностальгирует по сильному советскому государству, державе, противостоящей половине мира, государственному порядку, чем по социалистическому строю как таковому, отношение к которому скорее доброжелательно-нейтральное, чем безусловно позитивное. Так, к СССР отношение россиян скорее положительное (53% против 8%), а к социализму — в большей степени нейтральное (36% скорее позитивно относящихся против 11% — скорее отрицательно).

Это, конечно, не означает, что подобные настроения — надежный иммунитет против революций в обозримой перспективе. Ведь в России революции чаще всего бывают результатом смуты, обострения борьбы за власть, а смуты перерастают в революции, ибо в радикальной смене власти, политической и социальной системы население начинает видеть шанс на восстановление государственного порядка, нарушенного смутой. Как это и произошло с советской властью в 1930-е гг., когда руками Сталина и его приспешников она расправилась с поколением революционеров, фактически восстановив самодержавие в масштабах, о которых и не грезил Романовы. Великой Октябрьской революцией гордятся лишь 6% опрошенных россиян, тогда как победой в Великой Отечественной войне — 77%, послевоенным восстановлением — 59%, полетом Ю. Гагарина — 46%, воссоединением с Крымом — 26%. А недавней революцией, связанной с именами Горбачева и Ельцина, — всего 1–2%. Все это свидетельствует о том, что, несмотря на все трудности, современный политический режим, очень точно попавший в параметры архетипической матрицы российского массового сознания, сохраняет значительный ресурс прочности.

Говоря о тех процессах национальной и социально-политической идентичности, которые происходят в сегодняшней России, следует отметить наличие двух принципиальных позиций относительно того, как вписать события 1917 г. и весь советский период в историю России. Причем раскол проходит не между национал-патриотами и либералами, что само по себе вполне понятно, но и внутри того лагеря, который сегодня можно назвать “патриотическим большинством”. Этот раскол переносится и на оценку совсем “горячих” событий 2014 г., равно как и последующего противостояния России с окружающим миром.

Значительная и, наверное, самая большая часть нынешних российских патриотов рассматривает советский период как часть дела строительства российской империи, пусть и под иными лозунгами. Еще в 1937 г. Н. Бердяев в книге “Истоки и смысл русского коммунизма” открывал глаза Запада на иллюзорность произошедшей с Россией трансформации, где произошло изумительное: вместо Третьего Рима удалось осуществить Третий Интернационал, а на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима [Бердяев 1990]. По мнению сторонников “советского патриотизма”, понимание истории СССР как преемственной в истории российской цивилизации имеет принципиальное значение для нынешнего поколения россиян, стремящихся совместить имперское дореволюционное прошлое и победы советского периода. Для них весь XX в. ни российская цивилизация, ни имперское цивилизационное государство не перестали существовать, а лишь модифицировались, сменили язык, обрели новые формы в соответствии с новыми вызовами времени.

В то же время в российском патриотическом движении представлены и “белые патриоты”, упрекающие большевиков в дерусификации, заигрывании с разного рода националистами. А это в частности, по мнению такого православного деятеля, как Е. Холмогоров, “уничтожало идентичность России”.

На “величии Октября” настаивают многие члены команды Путина, которые пришли к власти именно благодаря анти-Октябрю, антикоммунистической контрреволюции Горбачева и Ельцина. Отсюда, по мнению А. Ципко, — противоестественное соединение, с одной стороны, ценностей “великой России”, православия и одновременно — ценностей “Великого Октября”, Ленина и большевиков. Такое соединение, считает Ципко, трудно понять.

Критикует Ципко в своих выступлениях и современных “посткрымских патриотов”, которые в увлечении “русской идеей” разбазаривают российскую государственность и ее имперскую составляющую. Он отмечает, что нынешний патриотизм начисто порвал с традициями великой русской культуры, с традициями человеколюбия, сострадания к мукам и боли ближнего, он отрицает право людей на моральную оценку своей истории, право людей на осуждение преступлений против человечности, совершенных и правителями России, и вождями большевизма.

Проблема не в том, что мы о событиях столетней давности чего-то существенно не знаем или расходимся в их оценке, а в том, что у нас нет модели процесса, которая бы позволяла объединить эти знания в единое непротиворечивое целое. Видеть же в этих событиях только заговор иностранных разведок, разгул низменных инстинктов или вовсе досадную случайность — значит, лишать отечественную историю достоинства, на которое она имеет право. Это органичная часть русской истории, как и весь советский период, причины и последствия которого далеко выходят за отмеренный ей отрезок исторического времени.

Ни в коем случае недопустимо пытаться вычеркнуть советскую эпоху из истории России или изображать ее исключительно в черных тонах. “Белый” реванш, иллюзия которого появилась после распада СССР, столь же неприемлем, сколь и “красный”, и какой бы то ни было иной. Любой реваншизм порождает “эффект маятника”, неизбежно вызывает мощное сопротивление и обязательно, рано или поздно, обратную реакцию. Если в борьбе с одними крайностями впадать в противоположные, мы не исправим, а лишь усугубим положение.

Как было показано, большинство населения, хотя и расколотое в своей оценке событий отечественной истории, сходится в одном. Для него неприемлемы революционные, резкие способы решения возникающих противоречий. Идеалом же остается периоды стабильной, предсказуемой, спокойной жизни. Но это не означает, что в силу исторической необходимости, а не по субъективной воле населения, революционные перемены в стране рано или поздно могут возобновиться. В этой связи В. Пастухов пишет: “Политической целью русской революции было устранение самодержавия и создание русской версии национального государства. Эту миссию ей выполнить не удалось. Самодержавие продолжало существовать в новом обличье — сначала в виде марксистско-ленинских вождей, теперь в формате путинской посткоммунистической реставрации. Задача устранения самодержавия будет решаться за счет движения по трем основным направлениям: республиканизм, федерализм и парламентаризм. Русская революция будет продолжена” [Пастухов 2017]. Первые отдаленные симптомы этого продолжения я попытался выявить в ходе настоящего анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахиезер А.С. (2001) Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность* № 2. С. 89–100.
- Бердяев Н.А. (1990) Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука.
- Бызов Л. (2015) Анатомия “консервативного большинства” (<https://elibrary.ru/item.asp?id=23589644>).
- Бызов Л., Львов Н. (1989) Политическое сознание и социальные отношения // *Век XX и мир*. № 4. С. 4–21.
- Пастухов В. (2017) Нет у революции начала // *Republic*. 8 ноября, 1917 (https://republic.ru/posts/87530?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=Republic&utm_content=instant#0_5___1124_177020713).
- Розов Н.С. (2017) Вектор Русской революции 2017 года — модернизация или контрмодернизация? // *ПОЛИС*. № 2. С. 8–25.
- Романовский В.К. (2017) 1917–2017: уроки столетия для нашего отечества (<http://obraz-nne.ru/>).

A glimpse into the future and the past through the prism of social contradictions

L. BYZOV*

*Byzov Leontiy — candidat of economic sciences, senior researcher of the Institute of Sociology RAS. Address: 24/35 Krzhizhanovskiy st., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: isras@isras.ru

Abstract

The article is based on the results of the massive survey conducted by the Institute of sociology within the framework of annual monitoring. The author draws attention to the significant increase of the supporters of changes over the past year that creates a new public demand for change. However, the vector of these changes by different social groups see in their own way. The author analyzes the consciousness and values of such key groups as the middle class; the young, conservative majority, liberal minority, and within the last two groups distinguishes more and less radical factions. Through the prism of the features of mass consciousness of these groups is analyzed and the assessment of the historical past, recent and more distant. The article shows how modern social contradictions contribute to the formation of historical group identity, a different relationship to important historical milestones of the past.

Keywords: social conflict; group identity; subjectivity; middle class; conservative majority; the liberal minority; stability; change; values; vision of the future; reform; revolution; Soviet period of history.

REFERENCES

- Akhiezer A.S. (2001) Arhaizaciya v rossiyskom obschestve kak metodologicheskaya problema [Archaization in Russian Society as a Methodological Problem]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 89–100.
- Berdyayev N.A. (1990) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka.
- Bizov L. (2015) *Anatomiya konservativnogo bol'shinstva* [Anatomy of the “conservative majority”] (<https://elibrary.ru/item.asp?id=23589644>).
- Bizov L., Lvov N. (1989) Politicheskoe soznaniye i socialnye otnosheniya [Political Consciousness and Social Relations]. *Vek XX i mir*, no. 4, pp. 4–21.
- Pastuhov V. (2017) Net u revolyucii nachala [There is no revolution in the beginning]. *Republic*, 8 noyabrya, 1917 (https://republic.ru/posts/87530?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=Republic&utm_content=instant#0_5_1124_177020713).
- Romanovskiy V.K. (2017) *1917–2017: uroki stoletiya dlya nashego otechestva* [1917–2017: Lessons of the Century for Our Fatherland] (<http://obraz-nne.ru/>).
- Rozov N.S. (2017) Vektor Russkoy revolyucii 2017 goda — modernizaciya ili kontrmodernizaciya? [Vector of the Russian Revolution of 2017 — modernization or counter-modernization?]. *POLIS*, no. 2, pp. 8–25.

© Л. Бызов, 2018